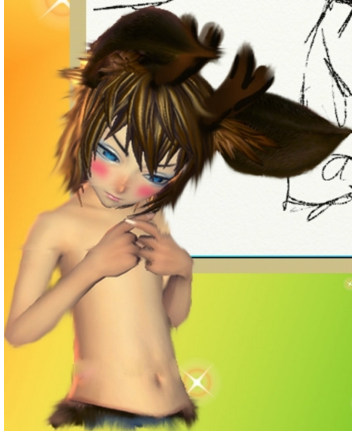

И.Кашкадамова

НОВЫЙ ГОД

12+

Ирина Николаевна Кашкадамова

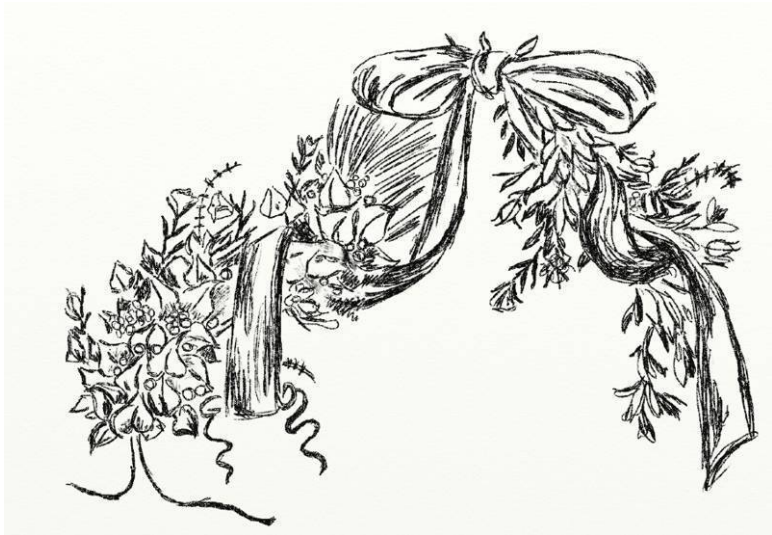
НОВЫЙ ГОД

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39855701

SelfPub; 2018

Аннотация

Древняя Македония, встречающая новый год. На смену веселью и пляскам приходит ужас реальной жизни под властью ахеменидов. Иллюстрации и обложка авторские (Кашкадамова И.Н.).

Новый Год.

Вот и опять заканчивается лето. В глазах детей читается живая вера в чудо. Скоро Новый год. Пан раздаёт подарки нового урожая. Каждому за труды воздастся в новом году. А детям, Козлоногий отдельно дарит сладости, игрушки всё, на что хватает фантазии родителей и глав города.

Я до сих пор жду прихода Нового года. Всё ещё на что-то надеюсь. Всё ещё как ребёнок ощущаю трепет, перед возможным чудом, исполнения сокровенных желаний.

А ведь не всегда праздник бывает радостным и солнеч-

ным. Он бывает холодный, как пасмурный осенний день. Тягивающий тленом зимний смерти. И тогда слезы, как осенняя морось, идут из глаз.

Помню мне тогда было лет восемь-девять. Мы с сестрой в город побежали, подарки от Пана получать.

Жили мы во фракийском селе. На землях отца. Мать из Аргоса, дорийка. Сюда она со своим отцом по торговым делам приехала, вот за фракийца замужем вышла. Трое у неё нас было: Мы старшие, и карапуз трехлетний за подол держащийся. А еще одного ждала. Жрецы говорили девочку. Жили не бедно не богато. Отец работал, нас уже к труду приучал. А на Новый год мы с сестрой в город бегали. Там красиво было. Да ещё по дороге идешь все украшено. На гермах придорожных, банты из лент, колокольчики звенят злых духов отгоняют.

Лес шумит. Птицы последние песни допевают. И тихо так звон колокольчиков. Значит скоро Новый год. Скоро Пан с сатирами в пляс пустятся.

Воздух чистый как из Серебряного источника, дрожащий, светящийся. Он веселит как молодое вино. Не знаю, как городским, но нам, этот напиток давали не только по праздникам. Отец сам делал, из наших виноградников. А ещё он делал пьянящий напиток не только из винограда, а из всего, что росло в саду. Отец никогда вино не продавал, говорил: “самим едва хватает”.

И вот мы с сестрой бежали. Двое детей по лесу.

– Агафон! Агафон! – звала она меня, и забежав вперед пряталась за деревьями.

Когда я её догонял, то давал тумака, не злобно, так по-братски. Ну не целовать же её было. Мне тогда восемь лет всего. А сестра была старше. Казалось тогда совсем взрослый.

Мы дурачились и смеялись входя в город. Молодые стражники в воротах при видя сестры присоединились.

– Смотри, у Адмета какая дочь подросла, на следующий год сватов засылать можно, – толкнул плечом зарумянившегося молодого парня другой воин.

Тот покраснел как девушка, смутился. Друзья над ним засмеялись. На них были сияющие, начищенные шлемы. Мы тазы так начищали песком, а потом мелом, чтобы блестели. Ну тазы – это не то... Блестящий шлем, с гребнем посередине смотрелся Божественно. Особенно для мальчишки.

Юный воин предложил сестре ароматное яблоко. Она с фырканьем отвергла сочный плод. Глупая. Что с девчонки взять. Я тут же схватил яблоко и возил зубы. Сочное, спелое, сладкое...

Воины захохотали. А тот, который яблоко давал сестре, растерялся и отвернулся. Под хохот воинов мы вошли в город. Это сейчас я могу сказать, что название полис было слишком гордым названием к этому захудалом поселению. Так большая деревня. Но в детстве мне казался огромным городом, красивым величественным. То было тогда...

Музыка в городе уже звучала. Наверное, с самого рассвета. В преддверии Нового года играли авлосы. Их певуче несколько гнусавые пение перекликались со звоном бубна.

Лица людей весёлые. Одеты все празднично. Новый год ведь.

Мы с сестрой на площадь побежали. Там уже толпилась городская детвора и дети из деревень, как мы, сами прибежавшие на праздник. Гомон вокруг, смех, свист свистулек. Торговцы продают сладости, ленты, колокольчики.

Мы тоже накупили лент и колокольчиков. Я тут же нашел палку, обмотал её пестрыми лентами, повесил колокольчики, так, чтобы они не мешали друг другу и звенели. Сестре этого доверить нельзя. Всё сделать через пень колоду, и кому такая безрукая жена достанется, ума не приложу.

В полдень, народ расступился и на площадь выехал на осле толстый Силен. Уши большие острые. Пузо такое, как винный бурдюк. Борода – ключьями. Выехал на середину и орёт:

– Восславим Вакха!!!

– Вай ээ! – к нему выбежали козлоногие сатиры, рогатые, с копытами. Они весело плясали, смешно перебирая ногами. Все смеялись. Рассмеялся даже Селен сидящий на осле. Он так хохотал, что венки у него с головы сполз, и застрял, зацепившись за ухо. Силен смеяться перестал, и стал пытаться натянуть венки опять на голову.

Но пузо мешало. Это было очень смешно.

А потом появились вакханки, красивые, быстрые и нарядные.

Они, как пугливые лани, высыпали на площадь, и заливаясь звенящим, серебристым смехом, рассыпались по зрителям, преподнося им фиалы с молодым вином. Сестре налили. А когда я попытался схватить себе фиалу, вакханка стукнула меня по лбу и рассмеялась. Вот тогда я присмотревшись узнал её, девчонка это из дома у реки была. Вредная... Стало понятно почему вина не налила.

Под гиканье и распевание куплетов на площадь выскочил сам Пан. Небольшие оленьи рожки золотом сверкали на солнце. Высоко вскидывая копыта, он танцуя тащит огромный мешок. Подарки! Подарки— подарки...

Зачерпывая рукой, он кидал детворе разные сладости, мелкие игрушки, монеты и орехи.

Тут были и медовые коврижки, и сладкие орехи, и пирожные, вкусные— вкусные...

Я набрал много, даже в руках не помещалась. Задрав подал хитона я собрал все туда. Ещё и сестра помогла. Набрала сладких вываренных в меду морковок, и долек яблок. Вкусно всё. Это всё я в детстве так любил...

А потом на большом корабле, который несли на своих плечах сатиры, появился Вакх. Молодой, красивый, с развевающимися волосами, в пестрых, ярких ниспадающих одеждах. А следом за ним менады, с гирляндами осенних цветов. Тут уже оживились юноши и молодые мужчины.

– К ночи домой бы дойти... – сестра не дала мне посмотреть продолжение. Развернув меня потащила домой. А за спиной слышался смех, шутки... Очень хотелось остаться. А сестра ныла, что домой пора, родители волнуются. И вообще ночью идти по лесу, то еще удовольствие...

А когда мы дошли домой... Зимний холод... День смерти... Говорить можно, что угодно, высказать это нельзя. Сегодня выскажешь. Дома не было. Пепелище уже догорало. Вверх дым почти не поднимался.

Дом... Чёрный обгоревшие бревна. Потрескивающие разваливающиеся кирпичи. Зола и угли. Вот то, что осталось от дома. Руки у меня разжались сами с собой, и сладости попадали в золу, прямо под ноги.

Отец лежал чуть в отдалении лицом в землю. Сверху его пересекала рубящая рана. Мать с распоротым животом повешена на дереве. Рядом с ней, на дереве, на ветвях, была развешана ещё не рождённая сестричка.

Холодная рука сестры коснулась моей головы. Тогда я почувствовал, как горячие ручьи слез обжигает мои щеки. Ноги отказывали. Я не мог сделать ни шагу. Сестра тенью бродила по пепелищу. На её вскрик я дернулся как от удара. На непослушных ногах я подошел к ней, по углям, который еще недавно были собственным домом.

Маленький братишка был прибит к бревну, который когда-то была наличником входной двери. Его тело как тряпочное висело на изогнутые мече.

Собрать все свои силы, я вытащил клинок из дерева. Тельца брата упало вниз как детская игрушка.

Не было не страшно, не больно. Мёртвый дом. Мертвые родители, братик, сестричка, были словно в другом мире. Сам я попал в другой мир. Страшный, нереальный – Чуждый.

Рядом выла, сидя на коленях, сестра. Но это было где-то за белой дымкой. К утру оцепенение не прошло. Мы похоронили родителей и малышей.

Я упрямо тупо рыл могилы этим кривым мечом. Сестра только выла.

– Подержи – попросил я ее, передав меч.

– Коготь! – сестра с брезгливостью оттолкнула оружие.

– Коготь... – тихо повторил я.

Когда мы дошли до города, страшный сон продолжился. Город был также уничтожен. Мы даже в него входить не стали. Увидели зарево, услышали крики, и скрылись в лесу. Мы с ней подходить к реке. Долго сидели в лесу, не попадаясь никому на глазах. Потом уже узнали, что это отряд дахов пограбить приходил... Мы долго прятались, долго скрывались, потом в какой-то город дошли. Это начался страшный год. Сестра вышла замуж, и в том же году умерла родами. Я оказался один. Один в чужом городе. Ее мужу я был не нужен. И передо мной раскинулись городские улицы. Кривой страшный меч остался со мной, когда стало совсем туго, то продал его за хлеб. Дальше пришлось воровать. Коготь, как этот

страшный меч назвала сестра, меч, ставший причиной наших бед, я помнил всегда. Коготь – стал моим именем, в моём новом доме – улице.

Много нас таких здесь собралось. Как больные, и маленькие щенки мы тянулись друг к другу, ища тепла, тепла которое уже не может дать семья.

Но всё равно каждый Новый Год я жду какого-то чуда. Что вот сейчас проснусь. Уйдет этот жуткий сон, и я увижу отца с матерью. Сестру, вплетающую ленты в волосы и братишку.

Звуки колокольчиков, смех сатиров, переливающийся смех вакханок и менад вселяют в меня странное чувство...

Всё изменилось, когда на Новый год я познакомился с парнем, которого для себя назвал Студентом. Тогда я узнал, что кроме ужаса, страха и нищеты бывает и праздник. Тогда я окунулся в Песнь Виноградной лозы, которую плели в своей жизни юные жрецы, обладающие силой юных богов. И я был с ними. Мы начинали новую эпоху не только для одного меня, но и для всех голодных и обездоленных мальчишек, и девчонок, живших в самых грязных уголках городов. Мы начали новую эпоху для всей Македонии. Мы освободились от ненавистных дахов и ахеменидов, и освободили других эллинов, и я был среди освободителей.

Больше никому уже ахемениды не могли испортить Новый Год. Мои народившиеся дети ждали этот волшебный праздник, как я когда-то в детстве.

С Новым вас Годом, дорогие мои.

